

Г.Померанц

Ступени глобализации.

Одна из постоянных черт исторического процесса – укрупнение социальных единиц, связанных единой властью и единой верой. Во II тысячелетии до Р.Х. владыки-завоеватели стали называть себя царями четырех сторон света. С этих пор можно говорить о начале глобализации.

Первые грубо сколоченные империи резко уступали племенам в устойчивости. Племя связано не столько властью, сколько причастием общим символам священного. В ранних империях власть была оторвана от своих духовных корней. Ее пытались навязать побежденным, переселяя их с места на место, разрушая связи с богами земли. Однако именно на чужбине, на реках Вавилонских окрепла вера в незримого небесного Бога, более сильного, чем земные боги и земные цари. Племенное сопротивление глобализации вскормило иудейский монотеизм, и после реформы ап. Павла этот монотеизм стал новой формой глобализации, духовной глобализации, захватившей детрибализованную массу больших городов, а за нею и всех остальных. Так или иначе, подобные процессы шли и в других культурных мирах. В конце концов, имперская власть всюду нашла опору в единой вере.

Вторая стадия глобализации – имперско-конфессиональная. Возникло четыре культурных мира, приметам которых были единое священное писание, единый язык святого писания и единый шрифт, связанный с эстетикой пластических искусств. Этот шрифт использовался и местными языками: латиница на Западе, арабская вязь в мире ислама, деванагари в Индии и иероглифы Дальнего Востока.

Предшественником мира ислама была Восточная Римская империя и Византия. Но византийский след сохранил некоторое глобальное значение только в России.

Каждая конфессионально-имперская глобализация была проектом мирового устройства в полном смысле слова. Его религия могла иметь этнические корни, но она не была племенной, она заключала завет с каждым отдельным человеком, принявшим ее основы. Однако не все великие религии были достаточно динамичны. В Средние века активнее других осуществлялся самый молодой, мусульманский проект мироустройства. Потом его обошел Запад, выйдя в океаны и создав новый тип глобализации, с упором на колониально-торговые связи и открытым входом в европейскую коалицию.

Успех Европы был связан с неудачей всех попыток восстановить здесь империю. Возрождению империи противодействовало папство, а после его ослабления – Англия. Возможно, сказывались и какие-то другие факторы. Из средневековой анархии выросли вольные города, а затем – система наций, перекликавшихся друг с другом в борьбе за гегемонию, без единой столицы. Выражение «концерт великих держав» – метафора, которую можно перенести из международной политики на культуру в целом. Возникло нечто вроде оркестра, в котором солирует то один, то другой голос. Ренессанс начался в городах северной Италии, барокко достигло своих вершин в живописи Испании и в немецкой музыке, рациональная переработка барочных мотивов

(в классицизме), а затем Просвещение шло из Франции, романтизм формировался в Германии, а классический реализм – во Франции, Англии и в России.

Политически неустойчивая система наций имела свои слабости; турки успешно пользовались соперничеством христианских держав. Но примерно с XVII в. выгоды полицентризма явно перевесили его недостатки. Развитие науки и техники, центр которого перемещался из страны в страну, ускользая от торможения, дал Западу сказочные преимущества, и отдельная европейская страна сделалась сильнее азиатской империи. Англичане успешно вели опиумные войны. Индия вся попала под их власть. Этот ход истории раньше других вне Европы понял Петр I, за ним потянулись японцы, с опозданием – другие. Тот, кто не входил в европейскую коалицию, попадал в число колоний и полуколоний. Войдя в европейскую коалицию, можно было занять в ней достойное место и сохранить свой особый лик.

Между тем, дух вольных городов, повернувший Европу к Новому времени, разрушал средневековую иерархию, в том числе духовную. Христианство пошатнулось, однако же устояло. Сложилась амальгама из протестантской этики, оптимизма Просвещения и торгового расчета, логически противоречивая, но в англосаксонских странах достаточно крепкая. Она лет двести поддерживала нравственный порядок по одну сторону Суэцкого канала и свободу рук по другую сторону.

Росло богатство в физических единицах и в единицах полезной информации. На первый план вышло знание-сила, знание, дающее прямую выгоду. Знание, расширяющее душу, отступило на второй план. К этому знанию наука не вела. В конце Нового времени Карнап написал, что суждение «Сикстинская мадонна прекрасна» – логическое междометие, нечто вроде «Ах». Тогда же было сказано, что «совесть – это химера».

За фасадом социально-экономического прогресса шло нарастание чувства отчуждения, заброшенности, затерянности личности. В самых богатых странах больше всего самоубийств. Абсолютные цифры самоубийств остаются незначительными, но они важны как показатель. Наркомания и спид стали массовым бедствием. Снова, как в последние века Античности, культ удовольствий ведет к опустошенности и духовному упадку. Писатель и эссеист Александр Мелихов назвал современную культуру мастурбационной. Общество держится за счет граждан, не чувствительных к кризису культуры и вполне довольных круговоротом работы, покупки новых вещей и выбрасывания их, когда новизна тускнеет. Однако социальные болезни все больше захватывают молодежь.

Именно на фоне этого внутреннего упадка была достигнута четвертая ступень глобализации, электронно-финансовая. Она тут же вызвала бурную вспышку антиглобализма (см.), а в Азии и Африке – рост общей ненависти к Западу, застраховавшему себя от экономических срывов за счет Незапада. Эту ненависть используют политические авантюристы. Террор, привезенный на Ближний Восток выходцами из Европы, сыграл роль детонатора, взорвавшего бомбу антиизраильского, а затем глобального антизападного террора (см.). Идея нового халифата – фантом, но никакие ракеты не могут удержать террористов-самоубийц. Их действия вызывают постоянное чувство тревоги и будят мысль об изменении характера глобализации.

Могущество, созданное на чисто материальной основе, вновь (как уже случилось в древности) обнаружило свою хрупкость. Становится вероятным, что глобальный порядок не может быть создан одним культурным миром, игнорируя другие, что наступило время вспомнить старую поговорку: *ex oriente lux, ex occidente lex*.

Мировая система коммуникаций, созданная Западом, свела вместе четыре культурных мира, но не устранила их различий, эти различия – не простое препятствие на пути прогресса; они плодотворны, они обогащают как разные подходы к единой истине. Будущий историк, вероятно, уделит меньше внимания встречам семерки, чем журналисты, и больше – развитию политики диалога, начатого Иоанном XXIII, диалогам Д.Т.Судзуки с Томасом Мертоном и сессии семинара имени Джона Мейна, на котором Евангелие комментировал Далай Лама XIV. (Г. Померанц).

Лит.: Г.Померанц. Выход из транса, с.205-396. Страстная односторонность и бесстрастие духа, с. 393-587.

Глобальный террор, в отличие от традиционного террора, направленного против царей, тиранов и т.п. лиц, имеет характер партизанского демоцида (см.), поражая цивилизацию в лице первых попавшихся ее представителей (действия «Красной армии», «Красных бригад»). Начавшись одновременно с террором против «угнетательских», «империалистических» наций, г.т. так же не щадит ни женщин, ни детей, но – на первом своем этапе – не столько для политической цели, сколько для самовыражения «затерянной», «заброшенной» личности. Психологию г.т. предчувствовал Достоевский (в «Записках из подполья») и ярко выразил ранний Маяковский: «пусть земле под ножами попомнится, кого хотела ополщить». Г.т., начавшись внутри христианского культурного мира, подсказал мусульманскому экстремизму его тактику, сильно отличающуюся от коранического джихада и допускающую критику с точки зрения ислама, как беда, нежелательное новшество. Но именно как мусульманский, г.т. перестал быть маргинальным явлением и превратился в постоянный фактор мировой политики. (Г.Померанц)

Демоцид – термин, предложенный для описания массовых убийств по любому признаку: этническому (геноцид), религиозному, классовому, партийному (истребление коммунистов в Индонезии 1966 г.), по затронутости вестернизацией (в Кампучии) и т.п. См. R.J. Rummel. Eliminating democide. “Intern. Journ. of world peace”, Vol. XVIII, N 3, 2001, p.55-68. Г.Померанц

Антиглобализм – клубок движений против современного этапа глобализации, осмысленного как страховка семи богатых стран за счет всех остальных. На первом плане а. – буйное самовыражение «сердитых молодых людей». Однако за этим шумом – ряд важных для дальнейшего развития идей: протест против нарастающего разрыва между бедностью и богатством, против вывоза грязных производств и неограниченного расширения техногенного мира, грозящего биосфере; против засорения нравственной среды (*moral pollution*) и подавления национальных культур

мировым телевизионным стандартом американского производства. А. имеет привкус антиамериканизма. При этом европейский антиамериканизм – протест против нарушения коалиционного характера западного культурного мира резко выраженной гегемонией одной культурно маргинальной страны. Афро-азиатский а. связан с неприятием претензий Запада в целом на положение единственной мировой цивилизации. См. ступени глобализации. (Г.Померанц).

Мертон, Томас (1915-1968), созерцатель и поэт созерцания, провозвестник братства созерцателей Запада и Востока. 94-летний Судзуки и молодой Далай Лама XIV нашли в нем равного собеседника, один из тибетских римпаче (аватар, воплощений) назвал его природным буддой. Родился во Франции, в семье художников-постимпрессионистов. Мать умерла, когда мальчику было шесть лет, отец – когда ему еще не было 16-ти. В одиночестве бродя по Риму, 18-летний Тамас был потрясен византийскими мозаиками. Это впечатление продержалось недолго, но всплыло после университета. В поисках духовной глубины перешел из протестантизма в католичество, а затем стал монахом сурового траппистского ордена (1941). В 1948 году опубликована его первая, самая популярная и наименее зрелая книга – «Семиярусная гора. Автобиография веры». Она разошлась в 20 млн. экземпляров на 20 языках. Впоследствии М., опираясь на внутренний опыт, подверг глубокому сомнению идеи неопита. Он откровенно писал, что сомневается в Библии и в церкви. Долгие годы боролся за свободу от монастырского распорядка. Получив свободу передвижений, умер от несчастного случая в Бангкоке. Его наследие огромно – более сорока книг, частично изданных посмертно, тысячи писем (протестантам и православным, хасидам и суфиям, буддистам разных толков, поэтам и писателям). Мертоновские общества созданы в разных странах; русское общество издало биографию, написанную Дизимом Форестом, и готовит к изданию «Новые семена созерцания».

Лит.: The seven storey mountain; Thoughts in solitude; New seeds of contemplation; The Asian journal; Merton reader; M.Mott. Seven mountains of Thomas Merton; M.Furlong. Merton, a biography. (Г.Померанц).